

принадлежит данное общество, перестает быть решающим. П. Сорокин выдвигает иную траекторию развития общества.

Можно сделать вывод, что концепция П. Сорокина предстает как дополняющая идею открытого общества по ряду параметров. *Во-первых*, на первое место в анализе типов социальных систем он ставит категорию «ценность» и видит новое общество как интеграцию позитивных ценностей капитализма и социализма. *Во-вторых*, дополняет концеп-

цию открытого общества возможностью включить в нее ценности тоталитарных методов правления, что было неприемлемо в концепции К. Поппера. *В-третьих*, выдвигает идею флуктуаций, или колебаний, которые присущи любому общественному устройству как тоталитарному, так и либеральному. Все это позволяет считать концепцию П. Сорокина как расширяющую представление об открытом обществе и способствующую его развитию на теоретическом и эмпирическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма Ф. Конец истории // Библиотека Гумер. 2009. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Fuk_EndIst.php (дата обращения: 21.09.2009).
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.

3. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

Поступила 16.04.2010 г.

УДК 231.12:159.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА. МИФ К.Г. ЮНГА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Сбойчикова

Томский политехнический университет
E-mail: mariyasheg2007@rambler.ru

Рассматривается феномен религии и мифологии с точки зрения психологии. Проводится анализ сущности мифа К.Г. Юнга и сохранения понятия «бог» с тем, чтобы выдвинуть предположение, каким образом процесс индивидуации проявляется в повседневной жизни и в существующих религиозных общностях. Обосновывается особая роль христианства как религии, наиболее полно способствующей индивидуации. Проводится сравнительный анализ мнений К.Г. Юнга, А.Ф. Лосева и М. Элиаде о «вере в священное» с тем, чтобы показать, как теории А.Ф. Лосева и М. Элиаде находят подтверждение в эмпирических исследованиях К.Г. Юнга.

Ключевые слова:

Сознание, бессознательное, Самость, воплощение бога, трансформация бога, творение сознания, индивидуация, религия, миф.

Key words:

Consciousness, the unconscious, Self, incarnation of god, transformation of god, creation of consciousness, individuation, religion, myth.

Данная работа посвящена анализу сущности зарождающегося универсального мифа, призванного, согласно К.Г. Юнгу, объяснить и объединить все действующие религии. К.Г. Юнг является единственным ученым, который на основе эмпирических фактов, подводя итог дела всей своей жизни, дал четкий и определенный ответ на вопрос о смысле человеческого существования и обозначил контуры нового вселенского мифа. Работы К.Г. Юнга уникальны не только тем, что содержат эмпирическое доказательство существования Бога (в качестве трансперсональной психической субстанции). В них проведен глубокий анализ истоков религиозного и мифологического сознания, который дает возможность обосновать все существующие религиозные общности и подвести под них единую основу. Анализ мифа К.Г. Юнга позволит нам выдвинуть гипотезу о том, каким образом, по нашему

мнению, процесс индивидуации осуществляется на практике в мистическом и повседневном опыте, а также выявить особую роль христианства в «созидании сознания».

Швейцарского ученого можно назвать первым, кто сформулировал проблему современных мировых культур как отсутствие в них функционального мифа. Если согласиться в этом с К.Г. Юнгом, можно предположить, что крах мифа является следствием краха религиозного мировоззрения современного человека. Миф представляет собой только форму для выражения религиозности, а вера и приоритет духовных ценностей являются содержанием. При исчезновении содержания форма долго существовать не может. Так или иначе, крах центрального мифа лишает членов общества психологической общности и ставит перед ними неразрешенный вопрос о смысле жизни. Лишен-

ный нравственных ориентиров, человек направляется инстинктами: стремлением к власти и к наслаждению.

Интересно отметить, что мнение К.Г. Юнга об исчезновении религиозного мифа подтверждаются современными исследованиями. Согласно статистике, во время переписей населения все больше людей не причисляют себя ни к одной религиозной конфессии, и религия в ряде стран (Австралии, Австрии, Ирландии, Канаде, Нидерландах, Новой Зеландии, Финляндии, Чехии, Швейцарии) обречена на практически полное исчезновение. Данные переписей за последние 100 лет выявляют очевидную тенденцию: в современных светских демократических странах люди все менее склонны причислять себя к приверженцам какой-либо религии [1].

Угасание жизнеспособности христианского мифа К.Г. Юнг обнаружил, анализируя, прежде всего собственные чувства: «Но живешь ли ты сам в этом мифе? — спросил я себя и ответил. — Если быть честным — нет. Это не тот миф, в котором я живу». Так что ж, у человечества больше нет никакого мифа? Очевидно, у человечества и вправду больше нет никакого мифа» [2. С. 9–10]. Причиной дисквалификации христианского мифа, возможно, является утеря способности современных религиозных форм соединить человека с Богом.

Начало гипотезе о новом мифе положил разговор ученого в 1925 г. с вождем племени индейцев пуэбло, проживающих на юго-западе США, который смыслом существования своего племени считал помощь солнцу в его ежедневном прохождении по небу. Смысл, кроющийся в этой вере, навел ученого на мысль о том, что человек придает творению необходимую полноту и, в сущности, является вторым Творцом мира. Таким образом, предполагает К.Г. Юнг, Создатель нуждается в *сознательном* человеке, поскольку «человеческое сознание создало объективное бытие и смысл, и тем самым человек нашел свое неотъемлемое место в великом процессе бытия» [2. С. 13].

Для верующего человека идея о том, что Бог нуждается именно в сознательном человеке, кажется простой и очевидной. Но с другой стороны, человек управляется своим бессознательным, влияние которого на личность установил З. Фрейд. Напомним, что в терминах К.Г. Юнга бессознательное определяется как совокупность архетипов первичного человеческого опыта, передающихся по наследству через тысячи поколений от человека первобытного к человеку современному. Врожденные программы определяют не только поведение, но и мышление, восприятие, воображение. «Архетипы суть типичные способы понимания, и повсюду, где мы встречаем единообразные и регулярно возобновляющиеся способы понимания, мы имеем дело с архетипами» [3. С. 27]. Архетипы проявляются в фантазиях, сновидениях, галлюцинациях, мистических видениях и отражаются в чувственном опыте в виде архетипических образов.

В мифах эти образы преобразуются в более четкие по форме символы, например, Крест, Мандала, Змей, Божественный Младенец, Жертва, Смерть, Возрождение. «Постепенно формируются мировые религии, которые содержат тайное сокровенное знание и выражают тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания возвещают в образе и слове освященные древностью учения...» [3. С. 28].

Интересно заметить, что К.Г. Юнг сводит бессознательное именно к накопленному опыту человечества, не поднимая вопрос о том, почему этот опыт складывался так, а не иначе. Между тем нам представляется очевидным, что единообразие мистического опыта людей, разделенных во времени (сравнение людей эпохи палеолита, мезолита, неолита с современными первобытными культурами) и пространстве (географически изолированные народы, развивающиеся полностью автономно), и, главное, *склонность* к такого рода опыту, указывает на изначальную идентичность человеческой духовной организации. Например, М. Элиаде утверждает, что «священное» входит в саму структуру сознания, а не представляет некую стадию его истории. Если допустить, что это действительно так, то легко объяснить и единообразие архетипов, и, как следствие, единообразие мифов, и единство духовной истории человечества, явление, открытое недавно благодаря археологическим раскопкам, и еще не вполне изученное. Можно сказать, что многолетние практические исследования К.Г. Юнга области бессознательного подтверждают слова М. Элиаде о том, что «священное» входит в саму структуру сознания.

Миф определяется К.Г. Юнгом как продукт бессознательной психики и неизбежное связующее звено между сознательным и бессознательным. Можно было бы предположить, что миф является первичным по отношению к религии. Однако трудно не согласиться с А.Ф. Лосевым: «Без религии и без вопросов субстанционального самоутверждения личности в вечности не может появиться никакая мифология» [5. С. 244]. Следует принимать во внимание, что далеко не все религии имеют привычную для нас форму, присущую мировым религиям. «Примитивные» архаические верования представлены антропологами в основном как совокупность мифов и обрядов, однако и они имеют основанием то же устремление человека к трансцендентному. Можно с уверенностью сказать, что религиозное чувство действительно предшествует мифологии. Археологические находки доказывают, что вера в «божественное» свойственна человеку на самых ранних этапах существования. Как утверждает М. Элиаде, «На самых архаических уровнях культуры жить, как подobaет человеку, — само по себе есть религиозное действие, потому что принятие пищи, половые отношения и труд имеют сакраментальную ценность. Другими словами, быть — а еще вернее, стать — человеком означает быть религиозным» [7. С. 6].

Таким образом, возьмем на себя смелость перефразировать: религиозное чувство или *религия* является продуктом бессознательной психики. Именно в теории К.Г. Юнга можно найти объяснение, *почему* это так происходит. Суть этой теории можно изложить одной фразой: «Коллективное бессознательное можно назвать словом Бог» [2. С. 63].

Особого внимания в описании К.Г. Юнгом бессознательного заслуживает тот факт, что, во-первых, бессознательное существует *объективно*, вступая в противоречие с желаниями эго, а во-вторых, эта объективно существующая психическая субстанция первоначально была выражена именно в *религиозном, метафизическом* контексте (конкретно — в мифах, всегда имеющих под собой религиозную основу). А.Ф. Лосев указывает, что *субстанциональное и абсолютное самоутверждение личности в вечности* (в своей внешней форме это религия) всегда так или иначе имеется в виду в мифе, но сам по себе миф есть только его смысл, а не оно само [5. С. 245].

Допуская, что верна теория А.Ф. Лосева о том, что миф и язык (как выражение мифа) появились одновременно, мы приходим к выводу, что бессознательное в качестве объективно существующей психической реальности имело место быть еще до рождения языка. Кратко изложим логическую цепочку А.Ф. Лосева, представленную им в доказательство этой теории:

1. В первоначальном языковом выражении существенным является не сам звук, а звуковой жест (движение органов артикуляции, сопровождающее жестико-мимику). Звуковой жест здесь важен, прежде всего, как особый вид мимических движений, а звук речи — лишь его следствие.
2. Таким образом, звук речи возникает как неизбежный результат психофизических условий, преобладающих при его образовании. Но поскольку он мотивируется, прежде всего, психически (аффекты и эмоции), то и все примыкающее сюда развитие языка отражает духовное развитие человека, его представлений и понятий.
3. Следовательно, первозданный язык является образным, как и все «выразительные движения».
4. «А значит, рождение языка и есть рождение мифа» [6. С. 159–160].

Таким образом, А.Ф. Лосев делает вывод: «Пробуждающееся в человеке сознание есть уже некое отпадение от цельного жизненного бытия. И потому вопрос о происхождении религии не имеет смысла, ибо религия первее самого сознания» [6. С. 109–110]. Подчеркнем, что в этом А.Ф. Лосев согласуется с М. Элиаде, который утверждает, что чувство священного входит в саму структуру сознания. Таким образом, становится понятно, почему в практических исследованиях К.Г. Юнга именно религиозные образы стали богатым источником данных относительно бессознательного, которое, если верить опыту ученого, существует объективно.

В поддержку мнения о том, что чувство священного входит в саму структуру сознания, а не представляет некую стадию его истории, говорят данные современных исследований. В рамках трехлетнего международного исследовательского проекта 57 ученых провели более 40 исследований в 20 странах, представляющих самые различные культуры. Изыскания (как аналитические, так и эмпирические) показали, что вера свойственна человеку от природы, тогда как атеизм — следствие развития разума [8].

Следует помнить о том, что человек не может существовать вне своего психического и поэтому не способен эмпирически отделить Бога от образа Бога в своей психике. К.Г. Юнг подчеркивает, что факт воздействия Бога на человека можно установить лишь психически, но при этом невозможно определить, исходят ли эти воздействия от Бога или от бессознательного, и являются ли Бог и бессознательное двумя разными сущностями. Однако швейцарский ученый эмпирическим путем с высокой степенью вероятности доказывает, что *в бессознательном имеется архетип целостности*. «Строго говоря, образ Бога совпадает не с бессознательным как таковым, а с его специфическим содержанием, а именно с архетипом Самости» [2. С. 65].

Рассмотрим теперь формулировку нового мифа. Его суть изложена в следующей цитате: «Миф о необходимом воплощении Бога... можно понимать как творческое противоборство человека с противоположностями и их синтез в Самости, целостности его личности... Вот цель... которая определяет центральное положение человека в системе творения и одновременно придает смысл самому бытию [2. С. 7 (эпиграф)].

Один из значимых пунктов теории К.Г. Юнга состоит в том, что сознание воздействует на бессознательное точно так же, как бессознательное воздействует на нас [2. С. 13]. Феномен сознания К.Г. Юнг определяет как отнесенность психических содержаний к эго, поскольку эго воспринимает эту отнесенность как таковую. Сознание является функцией, которая поддерживает связь между психическими содержаниями и эго. Психические содержания представляют собой существующие изначально архетипические образы, которые обретают субстанцию, когда они осознаются индивидом [2. С. 33–34].

Процесс соединения психических содержаний с эго, в результате которого рождается психическая субстанция сознания, называется процессом индивидуации, или, переводя с языка К.Г. Юнга, воплощением в человеке Бога. Самой характерной чертой процесса индивидуации является борьба противоположностей — эго и бессознательного, собственной личности и «другого». (Интересно, что с точки зрения этимологии, феномены *сознания* и *совести* взаимосвязаны и подразумевают «знание», разделенное «с» другим существом, то есть совместное знание). Таким образом, каждый раз, когда человек переживает внутренний или внеш-

ний конфликт, он получает возможность для дальнейшего развития сознания.

Успешное творческое разрешение конфликта, сопровождающееся чувством удовлетворения и приливом жизненных сил, К.Г. Юнг называет «созиданием» или «творением» сознания. «В процессе созидания сознания человека кидает из стороны в сторону, между противоположными состояниями и установками. Всякий раз, когда эго отождествляет себя с одной из сторон в той или иной паре противоположностей, бессознательное занимает противоположную позицию» [2. С. 16]. Однако человек, научившийся удерживать и примирять противоположности («творить сознание»), достигает гармонизации и целостной консолидации своей личности («реализует Самость»). Самость, (внутренний «другой», психический образ Бога, единство противоположностей) предполагает окончательный синтез внешнего и внутреннего, сознательного и бессознательного. В зависимости от того, насколько человек осознает и реализует Самость, следует оценивать степень воплощения в нем образа Бога.

Таким образом, по К.Г. Юнгу, Бог действует через бессознательное и *заставляет* человека примирять и объединять противоположности, воздействию которых из бессознательного подвергается его сознание. «Все противоположности от Бога, следовательно, человек должен принять на себя их бремя; когда он поступает подобным образом, он обнаруживает, что Бог, во всей своей полноте ... воплотился в нем. Он становится сосудом, наполненным божественным конфликтом» [2. С. 81].

Религии (буддизм, даосизм, иудаизм, христианство и пр.), мифологические и символические идеи, философский камень алхимиков, по мнению К.Г. Юнга, являются не чем иным, как живым проявлением символизма индивидуации, суть которой – процесс творения сознания. В частности, христианский миф о Параклете юнгианец Э.Ф. Эддингер представляет с точки зрения психической реальности как конфликт противоположностей (Отец и Сын), в результате объединения которых возникает сознание (Святой Дух). Таким образом, библейские слова о сошествии на людей Святого Духа, Утешителя, предвосхищают новый зарождающийся миф, согласно которому эго индивида – это тигель для сотворения сознания, его хранения, это сосуд для реализации Самости (воплощения Бога). «Сошествие Святого Духа на людей равносильно воплощению Бога. Христос – сын Бога и божественный посредник, является первенцем и божественной парадигмой, за которой последуют воплощения Святого духа в других тонко чувствующих людях» [2. С. 19].

Как уже было упомянуто, сознание и бессознательное воздействуют друг на друга. Переводя с языка К.Г. Юнга, это означает, что не только Бог воздействует на человека, но и человек воздействует на Бога. К.Г. Юнг заявляет о *бессознательном* Боге, который нуждается в познающем человеке, для

того чтобы познать Самого Себя. Сознание, или «совместное знание» предполагает способность участвовать в процессе познания одновременно в качестве познающего и познаваемого в отношениях с индивидом или с внутренним «другим», то есть с Самостью. В процессе взаимоотношений между эго и Самостью познание эго Самостью способствует развитию сознания эго, а познание Самости со стороны эго содействует развитию сознания Самости. Именно поэтому, как объясняет К.Г. Юнг, в процессе развития культуры образ Бога претерпевает изменения. Образ Бога трансформируется параллельно изменениям в человеческом сознании, «хотя вряд ли можно утверждать, что является причиной этого, а что – следствием. Образ Бога – это не изобретение, а следствие опыта переживаний, которые носят стихийный характер. Следовательно, бессознательный образ Бога способен решающим образом воздействовать на сознание, подобно тому, как последнее способно изменять образ Бога, как только тот осознается. Очевидно, это не имеет никакого отношения к «изначальной истине», к неведомому Богу, по крайней мере, исследовать или проверить это невозможно» [2. С. 51].

Новый миф, подобно традиционным религиозным мифам, предполагает бессмертие человеческой души, но с психологической точки зрения. Вселенная и человек образуют в совокупности грандиозный процесс, цель которого – творение сознания. Подлинное сознание, созданное каждым индивидом на протяжении всей его жизни в результате переживания и объединения противоположностей, пополняет коллективную сокровищницу архетипической души [2. С. 20–21].

Интересно отметить, что миф К.Г. Юнга, видимо, также подразумевает понятия добра и зла. На это указывает следующая цитата: «Несмотря на то, что божественное воплощение – это космическое, абсолютное событие, лишь немногие индивиды переживают его эмпирически, а точнее те, которые сознательны настолько, что могут принимать этические решения, т. е. делать выбор в пользу Блага. Следовательно, Бог может быть назван благом лишь постольку, поскольку Он способен проявлять свою благодать через людей. Его нравственные качества зависят от людей. Вот почему Он воплощается. Индивидуация и индивидуальное существование являются обязательным условием трансформации Бога Творца» [2. С. 87].

Итак, Бог (по крайней мере, *образ* Бога в человеческом сознании, т. е. Самость) трансформируется по мере познания его человеком в результате процесса индивидуации, или «созидания сознания». Индивидуация представляет собой процесс соединения психических содержаний с эго в результате борьбы и объединения противоположностей. (Именно таким образом, по К.Г. Юнгу, ветхозаветный Яхве трансформировался в христианского Бога).

Процесс индивидуации представляет собой борьбу противоположностей – эго и бессознатель-

ного. Как уже было сказано, каждый раз, когда эго отождествляет себя с одной из сторон в той или иной паре противоположностей, бессознательное занимает противоположную позицию. И только *объединение противоположностей* способствует индивидуации, т. е. воплощению в человеке Бога. Следовательно, выражения «принимать этические решения», «делать выбор в пользу Блага», вероятно, подразумевают, что для человека не существует ни абсолютного добра, ни противостоящего ему абсолютного зла, но добро — это объединение противоположностей, и Самость как образ Бога представляет собой единство противоположностей. (Тогда можно заключить, что зло для человека — это отказ от объединения противоположностей как результат или отречения от бессознательных элементов своего существа, или отождествления себя с ними).

Возьмем на себя смелость проиллюстрировать в общих чертах, как проявляются на практике представленные К.Г. Юнгом понятия добра и зла. Что представляет собой на практике «объединение противоположностей»? Самый простой уровень — общение между двумя личностями. Общение между людьми — это всегда конфликт, поскольку на внешнем уровне их интересы не совпадают. В языческом обществе, где нет понимания, что Бог — един, а значит, он проявляется во всем, и все противоположности исходят от него, любой конфликт решается либо через подчинение оппонента, либо через его уничтожение. Таким образом, развитие в языческом обществе (взаимопроникновение культур, технических достижений) происходит через войны. Язычник подчиняется закону силы, прощать он не может, он должен отомстить обидчику. Иудаизм уже говорит о возможности изменения и воспитания язычника, если он принимает иудейскую религию. Иудаизм исповедует милосердие, но в большей степени основан на понятии справедливости в общении между Богом и людьми («исполняющий заповеди получит вознаграждение от Бога, а преступающий заповеди получит наказание») и в межличностном общении («око за око, зуб за зуб»).

Для воспитания необходимо ощутить свое единство с другим человеком, тогда наказание не превратится в уничтожение. Ощутить единство с противником без понятия любви невозможно, и именно это понятие было привнесено христианством. Чем более значимо для человека чувство любви, тем больше у него шансов примирить конфликтующие стороны. Вероятно, именно поэтому, как показывает история, самым высоким авторитетом в примирении народов пользовались люди, называемые «святыми». В отличие от иудаизма, религия, которая по четкости своих заповедей напоминает науку, христианство пыталось научить человека чувству любви, которое позволяет объединять все противоположности и дает возможность самовоспитания, а также воспитания и изменения людей. При опоре на чувство любви желания друг

друга уравниваются, и человек развивается гармонично. (Выражаясь языком К.Г. Юнга, происходит процесс созидания сознания, или воплощения в человеке Бога). С другой стороны, если чувства любви не хватает, противоположности объединиться не могут, выходят из-под контроля и проявляются как крайности, страсти. Мы пришли к следующим выводам: понимание того, что Бог един, способствует индивидуации. Исповедуемое христианством чувство любви берет начало из понимания единства Творца.

Идея единства Творца отражена в индуизме, буддизме, иудаизме, христианстве, исламе. Например, в индийской философии вся Вселенная представляет собой единое живое существо, «Всемирную душу», и, следовательно, любая ее часть взаимосвязана с целым. Каким образом представление о том, что Бог един, относится к процессу индивидуации? Единобожие подразумевает, что все происходит по воле Творца: раз Бог един, значит, и созданная им вселенная, и все происходящие в ней процессы — едины, имеют один источник и служат одной цели. Единобожие вывело человека на качественно новый уровень: принцип абсолютного единства Творца и всего, что им создано, заставляет чувствовать внутреннее единство с окружающим миром, и ограничивает человека в жестких действиях. Напротив, в языческом обществе все, что приносит удовольствие и служит благоденствию и процветанию человека, считается добром, а все, приносящее боль, потерю, ущемление желаний, — злом.

Таким образом, для язычника бог — это средство для укрепления своего благоденствия, т. е. языческое общество нацелено на потребление. Для единобожника бог — это цель, и его отношения с богом не обусловлены личной корыстью. Никакая религия не существует без понятия жертвы. Чистый эгоизм и религия несовместимы. Даже в первобытных племенах есть понимание того, что часть полученных благ нужно вернуть божеству. Но в языческом обществе жертва понимается как залог получения от божества какого-либо вознаграждения в будущем. В религии единобожия, напротив, жертвенность самоценна как средство единения с Богом. Идея о том, что счастье может заключаться не в исполнении земных желаний, а в отказе от них, впервые появилась в Древней Индии. Эта же идея прослеживается в Иудаизме, 613 заповедей которого направлены на преодоление тенденции чистого потребительства по отношению к Творцу и друг к другу. В религиях единобожия понятие жертвы имеет более широкое значение. Нравственное поведение также считается жертвой, угодной Богу. Заповеди, изложенные в Ведах, Торе, Коране, как нам представляется, должны способствовать «созиданию сознания», т. к. они предписывают отстраненность от интересов тела и от всего, что ведет к благополучному существованию, и выдвигают на первый план благополучие души человека, приводя к равновесию фи-

зическое и духовное развитие личности. Соблюдение заповедей помогает отрешиться от инстинктов и стать тем, кого мы называем «человек нравственный». В обществе, исповедующем единобожие, нравственные ценности становятся главным критерием оценки человеческой деятельности.

Согласно К.Г. Юнгу, религиозное мышление претерпевает эволюцию на своем пути к оптимизации процесса индивидуации. Интересно проследить, как эволюция религиозного сознания проявляется в отношении к человеку. Например, индуизм не признает возможности изменений человека, отсюда происходит жесткость и определенность кастовых границ. Более молодая религия — иудаизм, напротив, хотя и предписывает неотвратимое наказание для преступивших закон, в то же время предусматривает возможности изменения и трансформации личности. Язычник, принявший иудаизм, мог стать полноценным членом общества (дословный перевод слова «еврей» — «перешедший в единобожие»). Христианство сводит все многообразие религиозных заповедей иудаизма к двум основным и говорит о том, что их соблюдение приводит любого человека к Богу. Как уже было сказано, понятие любви, привнесенное христианством, дает самые большие возможности для воспитания и самовоспитания человека.

В результате анализа мифа К.Г. Юнга мы пришли к выводу, что христианство наиболее полно воплощает в себе процесс индивидуации и связывает человека с Богом. Однако христианство не является целостной религией, оно разделилось на многие течения, каждое из которых занимает крайнюю позицию, что должно препятствовать созданию сознания. Анализ католичества, православия, протестантизма, по нашему мнению, показывает, что эти религиозные общности не сумели сохранить первичный импульс раннего христианства. Католичество и протестантизм сделали приоритетом материальные ценности («любовь Бога к человеку проявляется в том, что он позволяет человеку иметь благополучную судьбу и материальные блага»), отсюда происходит сложившийся на Западе культ успешного человека и культ работы. Православие сделало абсолютным приоритетом духовные ценности («копить материальные блага и стре-

миться преуспеть грешно»), и, как следствие, в России сложился культ бедняка и неудачника, что легко прослеживается в русском фольклоре.

Итак, эго, вставшее на путь индивидуации, используется Богом для углубления самопознания. «Человек — это зеркало, которое Бог держит перед собой, или орган чувств, посредством которого Он постигает свое бытие» [2. С. 55]. В том, по К.Г. Юнгу, и заключается смысл жизни, чтобы Создатель мог осознать Свое творение, а человек — самого себя. Э.Ф. Эдингер считает, что возвращение к наивной вере — неприемлемая перспектива для современного человека, и что работы К.Г. Юнга закладывают фундамент современного завета, который должен по-новому связать человека с трансперсональной психической субстанцией (Богом).

Традиционные религии, по мнению Э.Ф. Эдингера, на сегодняшний день почти исчерпали свои возможности управления отношениями человека и божества, и на смену им должен прийти новый метод — глубинная психология. Однако если действующие религии являются ни чем иным, как параллелями к индивидуации, то нам представляется спорной необходимость толковать архетипические субстанции, являющиеся составной частью ортодоксальных верований, в терминах психической реальности и разоблачать старые мифы. Главным образом, это может быть бесполезным и даже опасным. Вероятно, человечеству потребуется долгое время, чтобы прийти к подобному пониманию Бога.

Зато можно предположить, что новый миф мог бы дать возможность объединения всех существующих религиозных общностей и сделать мир единым не только в религиозном, но и в политическом отношении. Более того, принятие постулатов нового мифа и осознание необходимости трансформации Бога на коллективном уровне могло бы способствовать синтезу религии и науки. Впрочем, сам К.Г. Юнг полагал, что если новая вселенская религия действительно будет создана, то процесс ее творения завершится не менее чем через шестьсот лет. Так или иначе, вклад К.Г. Юнга в исследование психологических аспектов религии и в особенности значение его гипотезы о возникновении универсального мифа трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Религия умрет, прогнозируют ученые // Правда.Ру. 2011. URL: <http://www.pravda.ru/news/faith/23-03-2011/1071244-faith-0/#> (дата обращения: 06.10.2010).
2. Эдингер Э.Ф. Творение сознания. Миф Юнга для современного человека. — СПб.: Б&К, 2001. — 112 с.
3. Юнг К.Г. Аналитическая психология. — М.: Мартис, 1995. — 320 с.
4. Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. — Киев: AirLand, 1994. — 405 с.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М.: Академический проект, 2008. — 303 с.
6. Лосев А.Ф. Высший синтез. Неизвестный Лосев. — М.: ЧеРо, 2005. — 261 с.
7. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. — М.: Академический Проект, 2008. — 622 с.
8. Верить в бога естественно для человека // ФОКУС.ua. 2011. URL: <http://focus.ua/tech/184653> (дата обращения: 06.10.2010).

Поступила 06.10.2010 г.